

Пастухов Н. И.

17/12-88

17 МАИ 1987

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Встречи по вашей просьбе

Николай Пастухов:

ОТВЕЧАТЬ ЗА ВСЕ

...Шел спектакль «Последнее свидание». Рядовой, уже давно не премьерный. Приближался финал. Мы, участники массовки, в солдатской форме образца сорок первого года выстроились в глубине сцены, на фурке, изображающей вагон товарного поезда, ту самую воспетую в литературе о войне «теплушку». На сцене умирал главный герой, Константин Ермолаев, старый фронтовик. Сейчас он увидит нас и победит — в свое героическое прошлое, к своим друзьям-однополчанам, оставшимся вечно молодыми, не дожившим до Победы. Рисунок сцены был давно обозначен, и мы спокойно ждали, когда обернется Пастухов (в этот раз играл он), мы встретим его радостными криками, подкинем несколько раз — и на этом все кончится...

Но вот актер оборачивается — и случается неожиданное: он видит не нас, стоящих на сцене молодых актеров, он действительно видит своих фронтовых друзей. Мы понимаем это по судорожному, ликующему выкрику, с которым он мчится к нам, по его залитому настоящими слезами лицу. И этот всплеск, эта игра на исходе сил — мы же видели, что артист изнемог, едва держится на ногах! — заряжает нас какой-то взрывной энергией, Пастухов — уже не Пастухов, но и мы уже не мы, и это не сцена, а подлинная жизнь, и все, что

в ней происходит, имеет иной, высокий смысл...

Актерская судьба Николая Исаковича Пастухова складывалась не просто. Много лет искал он себя, уходил из Центрального театра Советской Армии, где проработал не один год, — и снова возвращался. Он был одним из основных актеров, играл много, играл важные, ключевые роли, но по-настоящему талант его раскрылся в роли Кэлина Абабия в спектакле «Святая святых», поставленном И. Унгурияну по пьесе И. Друцэ. Это был поистине звездный час актера.

— В чем секрет этой роли? — спросил я актера.

— Кэлин Абабий, молдавский крестьянин, — непримиримый максималист, говоря нынешним языком, — человек перестройки: этим я хочу сказать, что именно таким людям она нужна и дорога, именно такие люди и являются ее движущим фактором.

Кэлин считает, что каждый человек должен отвечать за все живое. И если где-то нарушается этот простой и естественный закон, он сурово спрашивает и с себя, и с других. Порой он в своей борьбе переступает рамки здравого смысла, а всегда ли, простите, он «здрав», этот здравый смысл, если за ним — лишь холодный расчет и бездушие? Мой Кэлин — фронтовик, фронтовик прежде всего, и в мирной жизни он действует

так же горячо и однозначно, как на фронте. Его старый однополчанин Михаил Грюя, быстро продвигающийся по служебной лестнице, спорит с ним, напоминает, что война давно кончилась. Но — война или борьба?.. И в конце концов Грюя сам признает изначальную правоту Кэлина.

В исполнении Н. Пастухова этот неказистый на вид крестьянин в потрепанной солдатской шинели, с глухим, бесцветным, словно лишенным интонаций голосом обладает огромной силой убеждения. Он наивен и мудр. Пафос вчерашнего гвардии рядового, а нынче рядового колхозника поднимается до высот государственных обобщений. Человек в любых обстоятельствах должен оставаться человеком, не отступать ни на шаг в своих убеждениях, бороться, чувствуя себя ответственным за весь мир и за каждую его малость: вот что он исповедует, вот в чем его святая святых.

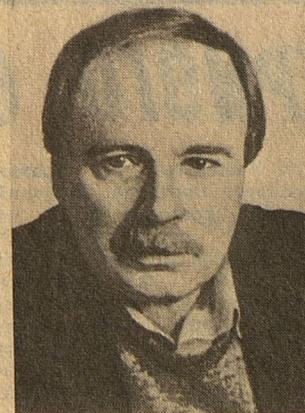
После этого спектакля с Пастуховым случилось то, что часто происходит с актерами, ярко сыгравшими какую-то роль: им наперебой начинают предлагать подобные же роли, заставляя повторять самих себя, эксплуатировать уже пройденное. После «Святой...» многие герои напоминали Кэлина Абабия. Это снова были пожилые фронтовики, не желающие мириться с несправедли-

востью, требовательные к людям и к себе, но их одержимость была мельче, их непримиримость — не всегда обоснована. В отличие от жара, сжигающего Кэлина, это был холодный огонь, холостые выстрелы, как ни пытался Пастухов, актер высокого исполнительского мастерства и необыкновенной искренности, преодолеть слабость драматургического материала, придать ему значимость. И если это удавалось, то только после того, как подключал он собственную личность, собственный опыт, свои фронтовые воспоминания и испытания. Вот тогда, как откровение, звучал монолог Мартыныча из «Снеги пали» о том, что «никто не забыт и ничто не забыто», о войне, прошедшей через его душу.

Потому, что это — воспоминания самого Пастухова. Поэтому, что такие герои, как Мартыныч, — часть судьбы его самого. Они как бы сливаются — исполнитель и герой. И часто, выступая на встречах с солдатами, Николай Пастухов произносит монолог Мартыныча — и кажется, что говорит о самом себе.

— Ведь на фронт вы шли совсем мальчишкой? — спрашиваю я Пастухова.

— Наверное, в нынешней ситуации, при наших разговорах об «акселератах», надо подчеркнуть: мальчишкой,

но не из мальчишества: мы рано выросли, рано начинали чувствовать себя не просто юношами и девушками — гражданами. А стране было трудно. Я ушел на фронт добровольцем. Воевал в составе Латышской дивизии. Обучили меня специальности — стал связистом. Получил звание сержанта. Что еще сказать? Да, награжден: медаль «За боевые заслуги» и орден Красной Звезды. Да, многие краски приходят в роль именно оттуда, из тех дней, от друзей моих. Я о них помню в жизни, я о них помню на сцене.

На репетициях и перед спектаклем Николай Пастухов всегда предельно собран, предельно серьезен. «Святая святых» идет в театре уже, наверное, десять лет, но каждый раз перед началом он просит всех участников: «Это спектакль тихий. Ради бога, не шумите, не грохочите сапогами, не разрушайте эту атмосферу!»

— Скажите, если не секрет, как вы встретились с Юрием Ивановичем Ереминым, когда он пришел в театр главным режиссером? Я имею в виду, конечно, не лично вы лично с Ереминым, а актер Пастухов со своим режиссером?

— Еремин мне предложил роль, которой я уж никак не ожидал: Старика в одноименной пьесе Максима Горького. Надо было искать новый путь: горьковский Старик не имел ничего общего с верницей прежних моих героев. Хотя в основе его характера тоже лежала страсть, он тоже горел. Но иным, зловещим огнем. Кэлин умел поднимать людей, возвышать их. Старик с той же страстью подавляет и унижает. Причем без малейшей выгоды для себя. Вот он приходит к Мастакову, своему давнему товарищу по каторге, теперь благополучному и счастливому. И ведь сам не знает, чего хочет: выдать его полиции, как беглого, или шантажировать его, вымогать деньги. Старик наслаждается самой властью над старым приятелем. В основе его поведения лежит зависть к благополучию, ненависть ко всему миру. Старик настолько опьянен своей властью над Мастаковым, что одновременно — негибимой волей, обостренной гордостью, готовностью пойти на любые испытания, но не изменить своим идеалам.

Потом был Иорам Канделакви в «Законе вечности», представленном Ю. Ереминым по роману Н. Думбадзе. И поставивший Том Сойер из пьесы американского драматурга Б. Сабата. Да, тот самый «тве-

новский» Том, только уже в ином качестве...

И — два новых взлета. В спектакле по пьесе Р. Солнцева «Статья» Пастухов сыграл роль секретаря обкома партии Савостина. Образ непростой, читается в нем многое «между строк», и сыграй его просто бюрократом, эдаким высокопоставленным «чиновником от партии» — может, и накал спектакля весьма и весьма пригасился бы. И тогда непредсказуемый ход драматурга: яркий, взволнованный монолог Савостина в финале, затрагивающий самые горячие точки нынешнего дня, — оказался бы просто алогичным. Но тогда и Пастухов не был бы самим собой!

А в «Няньке», спектакле, созданном по рассказу К. Станюковича, Николай Пастухов предстает в роли русского матроса Федоса Чижика. Федос является своего рода нравственным эталоном в спектакле, тем мериллом, которым зритель оценивает каждого из действующих лиц. Пастухову этого мало. Он создает образ остро социальный, наделяя его лучшими чертами народного характера — высокой человечностью, душевной щедростью, состраданием к слабым. И одновременно — негибимой волей, обостренной гордостью, готовностью пойти на любые испытания, но не изменить своим идеалам.

«Важно, не сколько ты прожил, а как ты прожил», — говорит любимый герой Пастухова Кэлин Абабий. Вот это и есть «святая святых» и самого Николая Пастухова.
Н. ТРОИЦКИЙ.